Ванюшка-дурачок

Жили-были три брата родныих, два-то умных, а третий дурак; двое-то женаты, а Ванюшка холостой. Ходят умные братья за охотою, ловят лисиц, окуниц и черных соболиц, а Ванюшка-дурачёк на печке лежит, на клубок сопли мота́т. Вот и говорят братья: «А, дурак ты, дурацка стать! Что на пече все лежишь, да на клубок только сопли мота́шь? Поди, дурак, на гумно: там сейчас лиса прошла. Вырой-ка ямку глубокую, попадет она тебе». Пошел же Ванюшка-дурак на гумно погулять, лисьих следиков поискать. Вырыл глубокую яму и соломой ее покрыл; пришел домой, лежит на пече, сопли на клубок мота́т. Полежал, полежал, на гумно побежал: в яме мамынька сидит. Он и говорит: «А, вот лисынька попала!» Да и ну ее колотить. Поглядел да и говорит: «Да, это ма́туска!» Вот он ясный соколо́к, мать домой поволок; бряк в конник! Залез на печку, лежит. Приходят с охоты братцы родные, приходят да не приносят. Дурак и говорит: «А сто, братцы, нет видно ницево́?» Большой отвечает: «Лежи, дурацка стать! А ты чего поимал?» — «Мне лисиньку Бог дал». Вот братцы больно обрадова́лись, на печку лезть собирались: «Покажи-ка, брат, нам лисыньку!» — «Поглядите: она в конницке лезы́т». Вот братья конник открыли, а там — матушка. «Эх ты, дурак, дурацкая твоя стать! Ведь это мамынька!» — «Да, а цорт ли ей велел? Я думал сто лисынька». — «Куды же ты ее денешь?» — «А сто вам, братцы, за дело? Куды знаю, туды и деваю».

Вот дурак был не плох: посадил мать на салазочки да и повез. Едет большой дорогой, мостом. Едет дворянин, он с кучером, не один, и кричит: «Дурак, вправо!» А дурак говорит: «И так, сударь, прямо!» Взял да салазочки под санки шырк! Барин ее и задавил. Дурак кричит: «А, судари, судари, свейку (женку) утопили!» Вот барин ему и говорит: «А ты, дурак, не кричи! Лучше на́ с меня деньги получи». Подставил ему дурак большую шляпу; он ему полну́ ее накатал, а свейку-то в воду столкал. Стал прав молодец и пошел себе домой; лежит на печи и на клубок сопли мота́т, часто денежки считат: копейка да грош, и стоит ребром. Приходят его братцы родимые домой. Вот приходят, ничего не приносят. Дурак им и говорит: «Сто зе, братцы, видно у вас пусто? А у меня на пецке-то густо!» Братья и говорят: «Ну-ка что тебя?» — «А вот деньги!» Поглядели братцы да ужа́хнулись: «А де же ты, дурак, дурацка стать, взял?» — «Эх да, братцы, матуску прода́л!» — «А скажи, как ты ее продавал?» Вот он и говорит: «Да многим так отдавал, а сто зе вам за

дело?» — «Да и мы, дурак, жен-то убьем!» — «А вот я как матуску продáл: поехал за больсым селом, да и крицал да крицал: А судá по мертвую! А судá по мертвую! А бегут да бегут, да все денески несут». Вот два братца родные стук да стук своих жен. Они так-то постучали, им головушки проломали, да и в салазочки поклáли, во большó селеньице помчали; громко больно во поселеньице кричали: «Сюды, по мертву, да сюды по мертву!» Народу много набежались, женкам мертвым дивовались. Вот да и ну-ка их тут трясти, чуть было им только домой донести. И так-то их потрясли, чуть домой они пришли. Вот и говорят братья: «Ох ты, дурак, дурáцка стать! Что ты нам сказал? Больно много наврал». — «Да и цорт ли вам велел?» Лежит да полеживает, сопли на клубок поматывает. Лежал, лежал да и говорит: «Давайте-ка, братцы, пец делить». — «Ох, дурак ты, дурацка стать! Ты у нас жен-то отня́л, да и матушку-то продáл! Чего тебе еще печь-то мотать? На чем ты, дурак, будешь лежать?» — «А сто вам, братцы, за дело? Я не буду на пецке лезáть, а буду свою долю продавать». Вот дурак печку разломал, на три кучки расклал. «Я, — говорит, — это — Пецке, это — Кузьке, это — Ваньке-дурацкý». Насыпал дурак кирпичей, поехал на базар продавать и стал деньги наживать. Он не дурак, он был родом так. Кирпичи в санки поклал, полотенцем увязал, с товарами рядом вставал. Подходят господа купцы. «Ох, да Ванюшка-Иван, ты не наш ли обман? Изволь товары открывать, нам, купцам продавать». Ванюшка и говорит: «Не угодно ли вам закрытый покупать?» Один купец подходит и другого подводит. «Ох ты, Ванюшка, развяжи, товар-то нам покажи!» Ванюшка товар не кажет и говорит: «А дава-ка воз нá воз менять». Купец подходит, товарища подводит. «Ох, брат, что в возý тяжело? Что тут, Ванюшка, лежит?» — «Дорогие камни. Не угодно ли вам на красный товар менять? А не будешь ли, господин купец, после Ванюшке пенять?» — «Ну, Ванюшка, ошибку в фáльшу не ставят. Давай, сменям повозку на повозку, лошадку на лошадку». Вот как! Ванюшка сменял, сел да и полетел. Стали купцы развязывать, не знают куды печь девать, стали горе горевать. Пошли пó миру. Вот Ванюшка-дурачек больно обрадовáлся, красным товаром лавочкой расклался. Это бросим — новенько начнем. Пришли братцы его родные. «Ох ты братец, ты наш брат, ох ты, Ванюшка-дурачек! Где же ты товар взял так?» — «А сто вам за дело? Кирпицыки промотал, купчишков надувал». Братья и говорят: «А скажи как ты их продал». — «Я первá их на деньги сменял, а на деньги товару покупал; ехал по улице, денески называл». — «А как ты кричал-то?» — «А вот я так крицал: да судá по пецыне! Тудá по пецыне! Идут да тасцат, идут да тасцат».

Братья и давай кирпичи насыпать, да по улице продавать. Ездят да кричат: «Вот сюды по печинушку!» Выбежали люди и больно их прибили. Приезжают братья домой; сидят да горе горюют и говорят: «Ох ты, дурак, дурацкая стать твоя! Долго ли ты будешь над нами озоровать?» — «А цорт ли вам велел?» Лежат братцы-умники да думают. Один другому и говорит: «А дава-ка, братец, дом бросать, пойдем во зеленый лес гулять, да насушим-ка, братец, сухарько́в аржаны́х да мане́нько, пошени́шных-то да побольше». За углом дурак стоит и слушает что братья говорят. Они неладно говорят: в путь-дорогу бежать хотят. Дурак и говорит дурацкой-то своей голове: «Ну да зе я им в сапку-то нас..у!» Заприметил дурак где у них сухарики стоят и думает: «Да-ка я над ними посуцу́: сухариков-то убавлю, а в мясо́к-то сам лягу». Убавил сухариков, лег в мешок. Приходят умные братья и говорят друг другу: «Айда-ка, брат, бери мешок с сухарями-ти, а я-то возьму другой». Взяли да и побежали, а дурака-то в доме бросали. А дурак-то не дома лежит, он, дурак в мешке лежит и за ними бежит. Бежит да кричит: «Ви́-и-изу! Ви́-и-изу!» Один брат и говорит: «А ведь дурацкая-то стать за нами бежит!» Ну-ка они бежать еще прытче. А дурак-то не бежит, а за плечами лежит, да кричит еще громче: «Да ох да ви́зу! Ви́зу!» Они его испугались, на разные дороги кидались и кричат: «Где ты-ы?!» — «Де я?» — «А дурак де?» Один брат говорит: «За нами бежит! Дава-ка, братец, отдохнем». Другой говорит: «У меня силушки нет (дурак-то знашь на нем). Что-то у меня, братец, в мешке-то тяжело! Дава-ка посидим, да огонька разведем, да каши́чки заварим». Вот взяли, огонька расклали, каши́чку-то заварили. Большой-то брат развязал и малому указал. «Я, братец, оржаные, а ты пошени́чны-то развяжи!» Пошени́чны сухари брат развязал и с испугу сухари-то не узнал. Цоп да цоп рукой, а он тут-то и тут! Дурак и говорит: «Тихонько, бра́тиц! Волосы выдерес!» Умный-то брат говорит: «Ах ты, дурак, дурацка стать твоя, замучал ты меня!» — «Да цорт ли тебе велел? А будет ци, братцы, говори́ц; давайти касыцу вари́ц!» Сварили каши́чки; вдруг является к ним Ягая баба и прыгает вокруг их на одной ноге. Дурак говорит: «А мотри же, Ягая баба, не попади в ца́су, не то оста́льну ногу выдерну!» Она прыгала, прыгала и в чашу попала. Он — дёрг, и оста́льну ногу выдернул; осталась Ягая баба без ноги.

Стоит славное древо, древо елевое. Дурак и говорит: «А не́коли, братцы, ны́нце нам спа́ц, а вот-то взяц на ели постоя́ц, по цысто́му полю поглядец!» Они взяли, на ель влезли и сейчас там сидят. Полез дурак на древо и ногу с собой взял. Это бросим, хоро́шенько друго́ начнем. Тут была соро́жка, и говорит дураку: «Вот дурак, сиди-ка, на все сто́роны гляди-ка увидишь кто придет и тебе будет что». Дурак и говорит: «Уди, скверная птица, отойди,

ногу выдерну!» Сорока полетела и хвостом завертела и тотчас чуть мне не выколола глаз. Приходит к ели сам разбойник; огонька развел, трубочку покурил, по стаканчику водочки выпивал и разбойничьим громким голосом закричал: «Вор по вору, вдруг десяток!» Набежало и считать нельзя. Начали каши́цу варить; сварили да похлёбывают. Дурак на леси́не сидит, поглядывает, с братьями речь разговаривает. «Ох да зе, братцы, как я с….-то хочу!» Большой-то говорит: «Да с.., дурак, мне в карман!» А он: «Ну, брати́ц, замо́цыс». Средний говорит: «Да, дура́цка стать, с.. ко мне в шляпу!» — «Замоцыс, братиц! Я им буду в ца́ску сикать!» И начал в чашку им сикать. Атаман и говорит: «Бо-о-ожья роса! Боо-о-жья роса!» И они сейчас хлебают, ничего не знают.

Вот дурак вы…..я, сидит на лесине, поглядывает, на разбойников посматривает, и говорит: «Ох да зе, как я с….-то хоцу!» Большой брат говорит: «Дурацка стать, с… мне в карман!» — «Ох, братиц, ведь замара́с карман-то». Середний говорит: «Ох да дурацка стать, на…. мне в варежку». — «Ох да, братиц, вариску замара́с, а после куды ты ее дева́с? А вот да я им в цасу то и на….!» Вот дурак да и ну-ну-ну! Сидят разбойники да поглядывают. Атаман говорит: «Вот, ребята, а у ели мы сидели; с ели е́левы шишки летят!» Дурак доржал на древе Ягой бабы ногу и говорит: «О, да вить, братцы, я устал, я ногу-то бросу!» Большой говорит: «Ох да, брат, ты нас сгубишь! Да-ка я подоржу?» Дурак говорит: «Братиц, уста́нис!» Середний говорит: «Да хоть да-ка, братишка, я подоржу!» — «Куды тибе, братиц, к ло́сади клесцами Яги бабы ногу дорзать. Хомут-то тесен; а вот я ее гряну прямо в яму! Вот да развернулся дурак да и бац в чашу, и раздробил иху кашу, гла́зыньки им залепил, и разбежались разбойники кто куды знат. Остался главный атаман. Вот дурак братьям и говорит: «А вот, братцы, на древе посидите, на меня поглядите: я к нему слезу!» Взял да и прыги́ть! Прыгнул и говорит: «Хлеб да соль, добрый молодец!» Отвечает разбойник: «Садись-ка со мной каши́цу хлебать». Дурак говорит: «О, да покорми-ка поза́луста! — Пои́сть, то больно я хоцу, да вот и ну-ну-ну умывать. А посто-ка, — говорит, — братиц! У тибя на языцке-то волосок?» Он не исправил свое дело и не понял что дурак говорит, и тотчас разинул рот. Берет дурак ножичек и вот да вот ширк да ширк ему! Дурак волосок-от снял и язычек себе взял; разбойник-от побежал и громко зазевал: «Ох да не велик телеля́к!» А хотел крикнуть: «Один человек!» Его товарищи голос услыхали, а слов не разобрали. Он им кричит: «Один человек!» А они думают: «Не один человек!» Еще дальше убежали и друг дружку растеряли. Сидит дурак под елью и говорит: «Ох, братцы, слежайте-ка сюда, будет озоровать, пойдемте-ка вместе воровать!» Слезли, пошли, да и опять домой

пришли. Приходят домой, дурак и говорит: «Давате-ка, братцы, ля́зем так» (в холодной-то избе). А большой-то говорит: «Давате-ка, братцы, спать: приходит ночь, некуды бежать!» Взяли да и легли. Середний-то брат был умня́к, большому и говорит: «Дава́-ка, братец, дурака-то утопим!» Он хорошенько братцу не сказал, а дурак-то скоро узнал, что утопить хотят. Он ведь не дурак, он был родом так. Пошел дурак на гумно, взял, подхватил превеликий ржаной сноп; взял его, нарядил и мужичком сделал, на полатки положил и спать братьев проводил, а сам из села вон побежал. Братья родные встали, думу подумали и один другому речь выговаривал: «Ведь дурак-то на полатях!» Они думали дурак, а там лежит аржаной сноп так. Шапочка надета дуракова на снопе, варежечки — на руках и вот как дурак лежит! Вот они его цоп-цоп, да с ним бежать, да в проло́бочку совать. Он под лед-то пошел да и бур-бур-бур. Большой и говорит: «А слава ти Господи, братец, хоть дурака-то утопили!» Они так думают себе, что это дурак, а тут было так: в его-то одёже сноп лежал, а дурак в чисто поле убежал. У дурака-то была шляпа моя; вот дурак-то взял большую кучу н…… да моей шляпой покрыл, да сидит, да сидит. Едет дворянин с кучером. Говорит дворянин: «Уди́, дурак, задавлю! Что ты тут сидишь?» — «Вот пицузечку, сударь, пымал!» Коней барин остановил и говорит кучеру: «Поди, кучер, с места его столкни, пичужечку отыми!» Дурак говорит: «Вот я вас, барин, не знаю! Куцер упустит?» Барин слез, подбежал. Дурак бросил, побежал к лошадям, сел на тройку, перексти́лся и полетел. Барин подбежал, шляпу снял, цоп да цоп рукой: он думал тут пичужечка с муко́й (!), а тут толстое г…., как осиново бревно. А дурак-то уж давно дома. У него всего много: сундук с деньга́ми, кони с хомутами. Говорит дурак: «Топерь я купец!» Подходят к нему братья родные, умные-разумные, дураку низко кланяются. «А здорово, братец, господин купец! Где ты взял тройку лошадей?» — «А в пролубоцке, на пруду. Когда вы меня совали и под лед толкали, тогда я сказал: бур-бур-бур! А вот трои́цка бу́роцек-то и тут!» Большой-то говорит: «Айда-ка, братец, туда и сунь-ка меня!» Вот он его взял, подхватил и в пролубку потащил. Сунул его, а он: бур-бур-бур! А второй-то стоит, громким голосом кричит: «Ну-ка да пожалуйста, братец, меня поскорее!» Он взял, да по Божьей милости и того бултых. Вот этой сказочке конец, сказывал молодец. Я там был, мед, пиво пил; по усам текло, да в рот не попало.

(Абрам Новопольцев)

Сказки и предания Самарского края. Собраны и записаны Д. Н. Садовниковым. С.-Петербург, 1884.